

Роберт Кершоу

1941 год
ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

Березовые кресты вместо железных

МОСКВА
2025

УДК 94(100)''1941''
ББК 63.3(0)62
К36

Кершоу, Роберт.

К36 1941 год глазами немцев : березовые кресты вместо железных / Роберт Кершоу ; [перевод с английского А. Л. Уткина]. — Москва : Яуза-пресс, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-9955-1259-2

Книга известного британского военного историка, созданная на основе многочисленных интервью с уцелевшими ветеранами Вермахта, участниками вторжения в СССР, наглядно показывает, что операция «Барбаросса» вовсе не была победным маршем, как ее изображают в западной литературе. История блицкрига и его краха показана глазами простых солдат и офицеров, которые на собственной шкуре испытали, что такое война с Россией, и с ужасом наблюдали, как их поход за победными венками превратился в марш за березовыми крестами (перед началом Битвы за Москву немцы потеряли уже 30 дивизий, или около полумиллиона человек). Автор подробно анализирует расхожий миф о непричастности Вермахта к геноциду советского народа, откровенно рассказывая о преступлениях немецкой армии по отношению к военнопленным и мирному населению, зверствах, которые сами немцы до сих пор списывают исключительно на эсэсовцев.

УДК 94(100)''1941''
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9955-1259-2

© Уткин А.Л., перевод на русский язык, 2025
© ООО «Яуза-пресс», 2025

Введение

До сих пор об операции «Барбаросса» никто так и не опубликовал воспоминаний, сделанных ее непосредственными участниками – простыми солдатами. Историки и оставшиеся в живых участники русско-германской войны 1941–1945 гг., как правило, сосредотачивались на ходе военных операций и тут же сталкивались с крайне неудобными вопросами морально-этического характера, либо обращали внимание лишь на какой-то один аспект войны, начисто забывая о других. Я с интересом прочитал заметки Пауля Коля, который, решив повторить путь частей наступавшей группы армий «Центр», в 80-е годы совершил паломничество в Россию. Из 35 ветеранов, которых Коль решил привлечь к своей акции, лишь трое признались в том, что допускали превышение служебных полномочий в ходе боевых действий. Однако, с другой стороны, практически во всех городах сегодняшней Германии недавно прошла передвижная выставка под названием «*Vernichtungskrieg*» («война на уничтожение»), целью которой было обнародовать и заклеить позором вермахт, возложив на него вину за эту войну. Не стоит забывать о том, что нынешний бундесвер (Вооруженные силы ФРГ) – прямой наследник вермахта. И те из немцев, кому почти не выпало столкнуться с военными преступлениями в период войны, не скупятся на героико-эпические легенды о том времени. В столь же некритичной риторике выдержаны и сказания о героической «Великой Отечественной войне», распространенные в России, где она рассматривается исключительно в идеологической перспективе. Скорее всего, наиболее честно о войне

сказал один бывший солдат вермахта, заявивший во время телеинтервью следующее: «Если кто-то утверждает, что большинство немцев были невиновны, то я назвал бы их сообщниками тех, кто совершал преступления».

Война предполагает различные степени ответственности, и они подлежат всестороннему рассмотрению. Тема военных преступлений с болезненной дотошностью изучалась социал-демократически настроенными учеными, в свое время оценивавшими степень виновности американских солдат во Вьетнаме, французских — за постколониальные конфликты в Алжире и британских — за Фолклендские острова. Но проблемы военной морали нельзя рассматривать в черно-белом свете, как полагают упомянутые авторы. Даже солдаты миротворческих сил ООН и НАТО в последнее время имели возможность убедиться на Балканах, что моральная ответственность в период военного конфликта — понятие растяжимое. Война Германии против Советского Союза была войной между двумя тоталитарными государствами, войной двух идеологий, и степень идеологического давления, оказывавшегося на ее участников, недооценивается современными, возвращенными на демократических ценностях, историками, поскольку последние просто не представляют себе жизни в тех условиях. Гельмут Шмидт, участник Второй мировой войны, а впоследствии федеральный канцлер Германии, в интервью одной из газет бросил камень в огород военных историков, заявив, что не следует воспринимать каждый документ, в котором говорится о военных преступлениях, как неоспоримое доказательство. Не всем немцам, побывавшим на фронте, пришлось столкнуться на войне с творимыми жестокостями, заявил он в подтверждение сказанному.

Документы — очень важные источники. Но и пережитое — тоже истина, поскольку побуждает нас к действию. Именно поэтому предлагаемая книга — есть попытка изучить, понять и объяснить с помощью солдатских писем с фронта и дневниковых записей, во что верили участники боев, какими мотивами они руководствовались.

Как же все-таки, с точки зрения христианских ценностей, объяснить или, более того, как совместить с этими ценностями систематические зверства, которые творили солдаты вермахта, на первый взгляд люди вполне цивилизованные, в отношении советских военнопленных и гражданского населения? Война — жестокая вещь, и она не щадит никого из тех, кто в ней участвует, одного такого объяснения явно недостаточно. Есть, видимо, какие-то неявные эмоции, последствия пережитого, превращающие героев в заурядных уголовников. И лишь познав эти «слепки» личного опыта, становится возможным верно и объективно оценить чувства, переживания и мотивы солдат, ведущих безжалостную войну на чужой территории. Название книги продиктовано выражением, бытовавшим среди немецких солдат — «*Kein Blumenkrieg*» — «война, где тебя не осыпают цветами». Вряд ли те, кто тогда воевал на Восточном фронте, тешили себя надеждами, что их забросают цветами на этой войне, как забрасывали на берлинских парадах после свершившегося на Западе блицкрига.

Книга признает, что война — это еще и глубоко личное. Воспоминания о ней — сотни и тысячи элементов мозаики, мгновений, запечатлевшихся в памяти подобно фотоснимкам, именно такова и авторская концепция книги. Пять чувств, свойственных человеку, и определили форму, в которой фиксировались изучаемые события. Остается добавить, что душевное состояние солдат надлежит оценивать, исходя из того, что им довелось испытать, и учитывая идеологическое воздействие, которое на них оказывалось. Отсюда бесчисленные обращения автора к дневникам и письмам.

Важно не забывать о значимости описываемых событий, ибо из 20 миллионов солдат вермахта, участвовавших во Второй мировой войне, 17–19 миллионов воевали в России. Именно им выпало закладывать основу будущего государства, сегодняшней Германии, одной из самых просвещенных и демократичных стран мира. Предлагаемая вниманию читателя книга — это попытка исследования сурового испытания, выпавшего на долю этих людей, ставшего исходным

пунктом их становления и определившего их дальнейшую жизнь.

Автор безгранично благодарен супруге Линн, взявшей на себя перепечатку рукописи и ее редакторскую правку. Если в книге и присутствуют ошибки, то они исключительно на совести самого автора, поскольку он отказался их исправлять!

Без Линн эта книга никогда не увидела бы свет.

Сослсбери, 2000 год

ГЛАВА 1

«МИР ЗАТАИТ ДЫХАНИЕ»

«Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет».

Ефрейтор артиллерийского полка.

Суббота. 21 июня 1941 года

Молодой унтер-офицер оторвал взгляд от исписанного листка, ощутив на лице теплый ветерок, прилетевший с литовской равнины. День простоял душный и жаркий. Затем он продолжил писать прерванное письмо:

«У меня такое чувство, что завтра утром, быть может, не завтра, а послезавтра, произойдет нечто, что заставит мир призадуматься. Более того, я не сомневаюсь, что не останусь в стороне от этих событий. Хочется надеяться, что ближайшее будущее еще на шаг приблизит нашу окончательную победу».

Его часть, 6-я пехотная дивизия, была одной из 120 дивизий, сосредоточенных вдоль демаркационной линии, протянувшейся от Финского залива и до Черного моря. Огромная масса людей, три миллиона солдат и офицеров, жила предчувствием чрезвычайных событий.

Лейтенант Герман Витцман, 26-летний командир взвода, сидел вместе с подчиненными в палаточном лагере, замаскированном в лесу неподалеку от реки Буг и в непосред-

редственной близости от советской крепости Брест-Литовск. Погожий июньский день клонился к закату. Верхушки сосен едва заметно колыхались под свежим вечерним ветерком. Сквозь ветви проникали лучи заходящего солнца. «Небо над нами похоже на голубой шатер, — записал Витцман. — Мы стоим на пороге великих событий, — продолжал он исповедь на странице письма, — в которых и мне лично отведена роль». Неизвестность тревожила. «Никому из нас не дано знать, уцелеет ли он в грядущих событиях». Война казалась неизбежной. Вот-вот предстояло начаться новой кампании, но никто не знал, где именно это произойдет. Неуверенностью перед битвой были охвачены все. «После долгих споров, бесед, вопросов и сомнений мы, наконец, успокоились и расслабились. Как всегда в таких случаях, последнее слово, которое могло разъяснить ситуацию, было сказано».

В этот же день севернее Бреста Итал Гельцер находился в «размалеванной разноцветной палатке, одной из многих в этом лагере, укрытом под высокими соснами». Он чувствовал себя счастливчиком. Придя в гости к командиру разведывательного взвода, он даже получил возможность встать во весь рост в этой палатке. «Очень удобно, когда одеваешься», — заметил он. Под потолком висит лампа, даже пол имеется, здесь хорошо спать, если только холод по ночам не доносится. Все дело в том, что он был допущен к картам. Они-то и объяснили суть момента. Осведомленность, информированность — дело престижное в кругу однополчан. «Вся карта по краям была усеяна стрелками — направление на Львов», — так Гельцер и написал в своем письме. Больше, чем стрелки, вряд ли скажешь. По вечерам он усаживался под сосны и наигрывал на губной гармошке швейцарские народные мотивы. Перед битвой его, как и многих других, занимали мысли о близких и родных. «Думаю о вас, о тех, кто разбросан по миру, — писал он, — хочется верить, что кончится война и настанет день, когда все мы сможем начать жизнь, какой не довелось пожить нашим родителям». Вынужденное безделье и томительное ожидание изматывало. «Разве мне приходилось раньше столько сидеть и ждать?» — вопрошал он в письме. Слухи — один краше дру-

гого. «Пришло известие о каком-то соглашении с Турцией; если это говорилось о России, я поверил бы в него по принципу *«credo quia absurdum»* (верую, потому что абсурдно)». Гельцер завершает свое эпистолярное произведение интригующе-цветистым выражением: «Когда вы будете читать эти строки, нам уже все будет известно. Как раз сейчас, в этот вечер, мы находимся на марше». Ему вообще-то знать об этом не полагалось, но стрелки на карте без обиняков указывали пункт назначения его части: местечко Борисычой, севернее Львова. Четыре дня спустя Гельцер погибнет в бою*.

Лейтенант Витцман старался ожесточить себя накануне предстоящих сражений. Строки из его письма выдают в нем романтика, глубоко верующего человека:

«Бог-Отец, даруй мне силу, веру и отвагу не склонить головы под свистящими пулями, под грохотом артиллерийских залпов и разрывами бомб, помоги мне не дрогнуть перед танками противника и ужасами газовых атак. Да воздастся Тебе доброты Твоя».

Лейтенант Витцман не переживет и суток.

Перед началом операции предпринимались совершенно беспрецедентные меры секретности. Без этого было не обойтись. На 800-километровом участке польской территории у демаркационной линии были сосредоточены 7 полевых армий вермахта. Четыре танковых группы и три воздушных флота люфтваффе находились в полной боевой готовности: 600 000 автомобилей, 750 000 лошадей, 3580 танков и самоходных орудий, 7184 артиллерийских орудия и 1830 самолетов. Активность немцев в районе аэродрома Маринглен в Польше привлекла внимание двух польских рабочих, оба примерно догадывались, чем она вызвана. В 1940 году евреев и поляков согнали на принудительные работы по сооружению взлетных полос. Ян Шчепаник рассказывает: «Я выполнял все приказы. Если меня посылали в лес таскать оттуда дрова — я их таскал. Надо было доста-

---

* Из текста неясно, где именно располагалась часть И. Гельцера, поскольку из района «севернее Бреста» она никак не могла наносить удар в район «севернее Львова». Очевидно, здесь мы имеем дело с ошибкой автора. (Прим. ред.)

вить стройматериалы для возведения барачков, я занимался этим». И меры, принимаемые для маскировки объекта, не могли не броситься в глаза.

«Когда немцы закончили взлетную полосу, они позволили ей зарости травой, и даже пасли на ней скот. Она и на аэродром не походила, посмотришь — пастбище и пастбище. Тем более что вся была покрыта белым клевером. Стенами для ангаров служили стволы деревьев, сверху покрытые зеленой маскировочной сетью. Когда листва увяла, ее заменили на свежую».

В одной только Восточной Польше было построено 100 основных аэродромов и 50 полевых. Щепаник и его приятель Доминик Струг прекрасно догадывались, к чему вся эта подготовка. «Все кругом знали и понимали, — в один голос заявили оба поляка, — что речь идет о войне с Россией».

К началу июня месяца артиллерийская батарея оберлейтенанта Зигфрида Кнаппе была переброшена в Восточную Пруссию. На учениях в районе Просткена, вблизи границы с СССР, Кнаппе вместе с другими командирами батарей был вызван на совещание, где обсуждались вопросы «выбора наиболее удобных артиллерийских позиций с учетом обстрела территории СССР». Командир дивизиона предупредил их об «особой осторожности» при проведении подготовки. В ответ на его слова офицеры сослались на советско-германский пакт о ненападении, но их поспешили заверить, что речь идет «всего лишь об учениях». Позиции были выбраны идеально. После этого командирам батарей приказали выслать солдат, переодетых в гражданскую одежду, для погрузки и транспортировки на позиции снарядов. «Так ваши люди будут выглядеть, как крестьяне, занятые рутинной работой, а боеприпасы необходимо по прибытии на место сразу же разгрузить и замаскировать», — велел командир дивизиона. Смысл дошел до командиров батарей. Один из них поинтересовался: «На кого мы собрались нападать, герр майор?» Вопрос напрямик явно застал командира батальона врасплох. Смутившись, он попытался отделаться отговоркой: «Это чисто гипотетическая ситуация. Но нужно быть готовыми ко всему». В близлежащих крестьянских

хозяйствах срочно реквизируют гражданскую одежду, и переодетые под крестьян солдаты, погрузив 300 снарядов на телеги, перевезли их на подготовленные позиции.

Под покровом темноты на исходные рубежи выдвигались и танки. Передовые части 1-й танковой дивизии покинули места постоянной дислокации в Цинтене под Кёнигсбергом 17 июня. Командиры получили приказ передвигаться только в темное время суток. Переодетые в гражданскую одежду и высланные вперед офицеры разведывательных подразделений проводили рекогносцировку участков германо-советской границы на ее литовском участке. Как только дивизия в полном составе выдвинулась в район сосредоточения, всякое передвижение бронетехники было воспрещено. Рядовой Альбрехт Линзен, подразделение которого размещалось в замаскированном палаточном лагере близ Владовой* на высоком западном берегу Буга, вспоминал, что «любые передвижения и занятия вне стен барачных должны были осуществляться с соблюдением мер маскировки». Размеренно, но без особого энтузиазма выполнялись обязанности, «но напряжение с каждым днем росло». Все до единого чувствовали приближение грозных событий, но ни характера их, ни конкретного содержания предугадать никто не мог. Еще один пехотинец, Герхард Гёртц, рассуждал:

«К 20 июня мы поняли, что война с Россией весьма вероятна. Это чувствовалось буквально во всем. Запрещалось раскладывать костры, разгуливать с фонарями и вообще шуметь. Единственное, в чем не сомневался никто, — в том, что нам вскоре предстояла очередная кампания!»

Нежные послания из дома — еще лучшее свидетельство непонимания происходящего. Вот письмо одной любящей супруги своему мужу по имени Хайнц:

«Ты что, на больших маневрах? Бедненький. Ладно, будем надеяться, все сложится так, что, наконец, настанет долгожданный мир, и мы с тобой будем мужем и женой, а еще лучше папочкой и мамочкой».

---

* Возможно, речь идет о польском городе Влодава. (Прим. ред.)

В полдень 21 июня ефрейтор Эрих Куби, связист, записывает в своем дневнике: «Я на дежурстве, ничего интересного». А в его недельной давности газете «Ди Франкфуртер цайтунг», тоже новостей негусто. Куби предполагал, что должно произойти, но не находил подтверждений своим догадкам. Любопытно лишь, что в тот же полдень капеллан стал отправлять службу.

«Позабудьте о чувстве товарищества»

За одиннадцать месяцев до описываемых событий генерал Франц Гальдер, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Германии, бегло изложил содержание совещания высшего генералитета вермахта, прошедшего в ставке фюрера Бергхоф. Вторжение на Британские острова маловероятно. «Сама по себе война выиграна», — писал Гальдер. И у Британии нет возможности каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию. «Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка тоже отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». И в заключение Гальдер нацарапал на листке бумаги: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

Решение Гитлера напасть на Россию диктовалось не только, и даже не столько, стремлением исключить из войны Британию. Главенствующими в этом случае были идеологические соображения. Их будущий фюрер довольно пуганно и напыщенно изложил в «Майн кампф» еще в 1925 году. За митинговой терминологией, по части которой Гитлер не имел себе равных, скрывалась незамысловатая правда, суть которой сводилась к необходимости войны с Советским Союзом. Раса — вот что, по мнению фюрера, было решающим фактором развития человеческой цивилизации. Германская нация являет собой олицетворение и несокру-

На заседании Имперской кинопалаты. Штурмбаннфюрер СС Фриц Гипплер – постановщик пропагандистского фильма «Вечный Жид»

шимый бастион арийской расы на одном полюсе, а на другом находятся иудеи, евреи, чье «паразитическое и дегенеративное» влияние грозит похоронить цивилизацию. Германского превосходства можно было достичь сначала устранением внутренних политических противников и затем в решающей битве сокрушить державы-победительницы в Первой мировой войне. Для того чтобы в полной мере развернуть потенциал, германским арийцам необходимо расширить границы рейха на восток, обрести «*Lebensraum*» (жизненное пространство). Дальнейшей целью является создание германской империи с границами от Урала до Гибралтара, свободной от евреев, славян и прочих «*Untermenschen*» («недочеловеков»).

К 1941 году подавляющее большинство населения Германии, в особенности офицерство, безоговорочно принимало эту теорию. Сохранились заметки Гальдера о более чем двухчасовом совещании высших офицеров и генералов у Гитлера, где обсуждались вопросы «колониальной политики», связанные со скорым захватом восточных территорий. России грозила участь оказаться расчлененной: север

Имперский министр народного просвещения и пропаганды, рейхсляйтер, гауляйтер Берлина, доктор философии Пауль Йозеф Геббельс поздравляет с днем рождения рейхсмаршала, главнокомандующего люфтваффе, имперского уполномоченного по выполнению 4-хлетнего плана, постоянного заместителя фюрера в совете обороны рейха, главного имперского лесничего Германа Вильгельма Геринга

отходил Финляндии, республики Прибалтики планировалось превратить в протектораты, та же перспектива предусматривалась для Украины и Белоруссии. Гальдер писал:

«Столкновение двух идеологий. Мы должны позабыть о духе товарищества и солдатской солидарности. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через тридцать лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника».

Далее мы читаем написанные рукой Гальдера директивы, воплощение жестокости. «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе». Война с Россией будет включать в себя «устранение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции».

Принципы, которыми предстояло руководствоваться штабным офицерам, вскоре нашли отражение в директивах

верховного командования. «Командиры, — писал Гальдер, — должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания». Впредь именно так многие и поступали.

Два месяца спустя генерал-фельдмаршал фон Браухич, в то время Верховный главнокомандующий силами вермахта, издал серию директив, определявших свободу действий командиров в будущей войне. Приказ *«Обращение с гражданским населением на оперативных участках в ходе осуществления плана «Барбаросса»*, подписанный фон Браухичем в мае месяце 1941 года, был снабжен грифом секретности, доступ к документу имел лишь офицерский состав. В основном в этой директиве речь шла об акциях «умиротворения» на занятых территориях, дабы воспрепятствовать всякого рода сопротивлению против представителей оккупационного режима. «Всякое сопротивление, — предписывал фон Браухич, — должно пресекаться решительно, жестко, всеми имеющимися средствами». Войскам «предоставлялось право и вменялось в обязанность ликвидировать саботажников», как «в бою, так и при их отступлении». В случаях проявления акций саботажа предписывалось принимать меры коллективного воздействия по отношению к жителям населенного пункта, в котором такие акции имели место. Позорный «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. был снабжен введением, где говорилось о том, что «в войне против большевизма принципы Женевской конвенции неприменимы». Таким образом, коммунисты, по мнению немецкого командования, не являлись военнопленными в общепринятом смысле, «следовательно, их надлежит расстреливать на месте». Определять комиссаров следовало по нарукавной нашивке красного цвета «с красной звездой и с серпом и молотом».

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Верховное главнокомандование сухопутных войск (ОКХ) издавали директивы, освобождавшие офицеров и солдат вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм. И эти распоряжения, следует отметить, исходили от армейских штабов, а не эсэсовских функционеров. Представители высшего генералитета — Эрих фон Манштейн, Вальтер фон Рейхенау и Эрих Гёпнер — издавали свои, па-

раллельные директивы. Гёпнер напоминал своим подчиненным из 4-й танковой группы о том, что «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия московитов и азиатов и еврейского большевизма». И в предстоящей великой битве не должно быть никакого сострадания:

«Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью. При планировании и осуществлении любой военной акции следует руководствоваться железной решимостью, беспощадно и окончательно уничтожать врага.»

В особенности следует подчеркнуть, что при устранении существующей в России большевистской системы не следует избегать никаких мер».

И носителями этой концепции мирового порядка были солдаты, в первую очередь те, кого взрастил гитлеризм и нацистское мировоззрение. Для них подписание с непримиримым идеологическим противником пакта о ненападении в августе 1939 года являлось фактом положительным, несмотря на имевшиеся оговорки. Фюрер проявил себя искушенным и лукавым политиком, не желавшим для Германии войны на два фронта и повторения катастрофы 1914–1918 гг. И кадры «Дойче вохеншау» (еженедельного документального кинообозрения), где изображался Риббентроп и его историческая миссия в Москву, зрители встречали с таким же восторгом, с каким год назад англичане встречали Чемберлена, размахивавшего листом бумаги по возвращении из Мюнхена. Казалось, Адольф Гитлер обрел способность управлять событиями в мире по своему усмотрению. «Фюрер все держит в руках», — такова была простая и утешительная истина для малообразованных и политически наивных солдат, когда это касалось внешнеполитической сферы. И, если судить здраво, никакой особой нужды нападать на Советский Союз не было.

Германо-российские отношения с 1918 года в большой степени определялись совпадением национальных интересов обеих стран, временами даже сводившим на нет идеологические разногласия. Обе страны пострадали в Первой ми-

ровой войне, потерпев в ней поражение. Обе страны с крайним раздражением воспринимали рождение нового независимого польского государства. Секретный обмен на военном уровне, начавшийся даже до заключения Рапалльского договора в 1922 году, позволил германским фирмам под вывеской берлинских фиктивных компаний производить на территории СССР аэропланы, подводные лодки и оружие всех видов, включая танки и ядовитые газы. Однако германским коммунистам приходилось у себя дома не сладко — в Веймарской республике с ними особенно не церемонились. Возникновение нацистской партии углубило идеологическую пропасть, и налаженные связи оборвались. Интересы России и Германии определили новую тенденцию — к компромиссу, которого желали и Гитлер, и Сталин. Если даже оставить за скобками дипломатический и военный аспекты, в рамках существовавшего соглашения Советский Союз экспортировал значительное количество сырья и сельскохозяйственной продукции в Германию — зерно, нефтепродукты, фосфаты, хлопок, лес, марганец, платина — вот далеко не полный перечень продуктов, регулярно отправлявшихся в рейх. Крайне важна была для Германии и возможность транзитных перевозок из Индии каучука и сои. К 22 июня 1941 года в Германию было доставлено около миллиона тонн минеральных масел. Зондерфюрер Тео Шарф из 97-й пехотной дивизии, входившей в состав группы армий «Юг», отметил:

«Вдоль согласованной в 1939 году демаркационной линии наблюдалась невиданная концентрация войск. На эту тему циркулировала масса слухов. С одной стороны, всем было ясно, что против Советов что-то затевается. С другой стороны, в Германию из СССР исправно следовали нефтеналивные составы с бакинской нефтью».

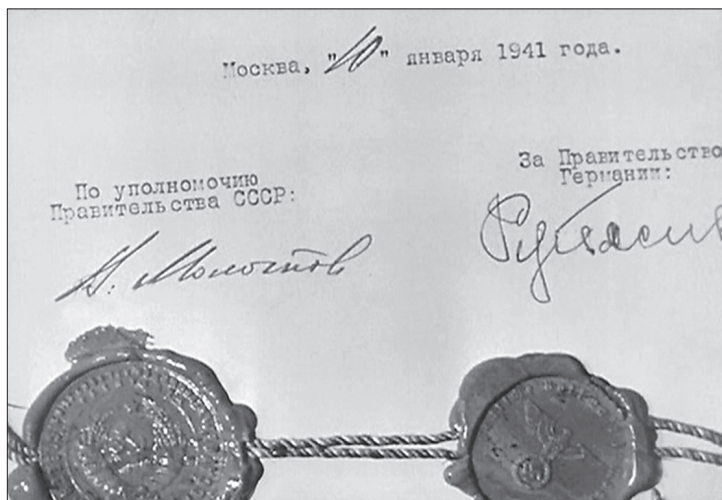
В этой связи всякие мотивы нападения Германии на СССР, несмотря на явные признаки возможности такого развития событий, представлялись абсурдными. Шарф горестно признает: «Я, значит, проспорю тогда одному безвестному советскому лейтенанту бутылку шампанского. Я еще доказывал ему, что мы никогда не нападём на СССР».

Министр иностранных дел СССР Молотов в середине

ноября 1940 года нанес официальный визит в Берлин. Это событие с большой помпой освещалось в германских средствах массовой информации и, в частности, заняло солидное место в выпусках еженедельной хроники «Дойче вохеншау». Простые немцы, знай они, как обстоят дела в действительности, наверняка призадумались бы. За месяц до визита Молотова в Германию планирование предстоящей операции «Отто» (лишь позже ей было присвоено другое кодовое название — «Барбаросса») осуществлялось полным ходом. Гальдер патетически заметил, что, дескать, расчеты России на войну Германии с Англией «явно не оправдаются».

«Мы уже на русской границе — 40 дивизий. Позже будем иметь там 100 дивизий. Россия наткнется на гранитную стену. Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт».

«В России управляют разумные люди», — начертал Гальдер комментарий по поводу прогнозов Гитлера о возможном сопротивлении русских в ходе войны. Молотов был не знающим жалости, прожженным дипломатом масштаба Бисмарка. Поэтому когда Румыния и Венгрия присоединились к странам «оси», это заставило Молотова поверить в то, что Германия нарушает дух договора августа 1939 года. Заверения в том, что трехстороннее соглашение (Германия—Италия—Япония) направлено против США и Англии и ничуть не затрагивает интересов России, не убедили советское руководство. Поэтому, в полном противоречии с тем, что говорилось в средствах массовой информации, но вовсе не удивительно для тех, кто наблюдал переговорный процесс вблизи, визит Молотова едва не похоронил германо-советские отношения. Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера, так описывает этот пронизанный едким сарказмом диалог Молотова с Гитлером, который, естественно, не был обнародован. Молотов, по словам Шмидта... *«... не церемонился в выражениях и вообще не щадил самолюбие Гитлера. Без тени улыбки на лице, бескомпромиссный, злобно посверкивающий очками, он страшно напомнил мне учителя математики, когда, смерив Гитлера презрительным взглядом, точно тот был его учеником, заявил: «Так как же, наше прошлогоднее соглашение еще в силе?»*

10 января 1941 года. Подписи и печати Наркоминдел Молотова и посла Третьего рейха в СССР графа фон Шуленбурга под дополнительным советско-германским соглашением о Литве

Гитлер, кому вдруг показалось, что перевод неадекватен, ответил: «Разумеется, а почему оно должно утратить силу?» На что Молотов ответил: «Да потому что я задал этот вопрос в связи с финнами. Вы ведь очень дружите с финнами. Приглашаете их к себе в Германию, свои миссии к ним высылаете, а финны, между тем, люди очень опасные. Они подрывают нашу безопасность, и нам предстоит что-то решать по этому поводу».

На что Гитлер, разъярившись, ответил: «Я вас прекрасно понимаю. Вам нужна война с финнами, а вот об этом и речи быть не может. Послушайте, вы меня понимаете? — так вот — это невозможно! В таком случае я окажусь отрезанным от никеля, железа и другого необходимого сырья».

Шмидт делает заключение: «Это был очень нелегкий диалог, поединок двух тяжеловесов». Как бы это ни воспринималось, это мало напоминало идеологическое противостояние, речь шла исключительно об узконациональных интересах. Обе страны не доверяли друг другу. Гитлер и приглашенные им на обед муссировали вздорные слухи, рас-

пространяемые личным врачом Гитлера д-ром Карлом Брандтом о том, что якобы Молотов велел прокипятить посуду, с которой предстояло есть, дабы уберечься от германских бактерий. Тем не менее, как будут восприняты итоги переговоров, очень заботило Гитлера, пусть ради этого ему пришлось пойти даже на фальсификацию их итогов. После встречи Гальдер сделал следующую запись: «Результаты: Конструктивный тон. Россия не хочет разрывать отношений с нами. Это должно повлиять на остальной мир». Еженедельная хроника «Дойче вохеншау» информировала аудиторию так:

«Состоявшиеся в Берлине переговоры прошли в атмосфере взаимного доверия и обнаружили полное взаимопонимание по всем вопросам, представляющим взаимный интерес».

«У фюрера всё под контролем»

Солдаты сосредоточенных на востоке дивизий не могли не почувствовать перемену во взаимоотношениях обеих стран. Один лейтенант писал домой в начале марта:

«Знаете, что я отметил? Что сейчас впервые с тех пор, как у нас улучшились отношения с Россией, русские не принимали участия в Лейпцигской ярмарке. Прошлой осенью и летом они были широко представлены и в Лейпциге и в Кёнигсберге на Балтийской ярмарке. И если проследить то, что пишется в нашей прессе по поводу нашего вторжения в Болгарию, можно заметить, что на сей раз Москва не упоминается. Сейчас мы ведем переговоры с Турцией о том, чтобы войти в Сирию, где «томми» сосредоточили свои самые сильные армии. И вы думаете, русские будут сидеть сложа руки? Как бы не так!»

Несмотря на все эти «любопытные признаки», младший офицер пришел к заключению, что «нет смысла ломать надо всем этим голову, главного все равно не избежать. Окончательная победа будет за нами». Другой солдат сделал в том же месяце в своем письме такое признание:

«Один русский генерал в нетрезвом состоянии хвалился, если, мол, с Польшей за 18 дней разделались, то с нами [то